

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В.П. Пушков*, Л.В. Пушков**, С.М. Завьялов***

УРОЖЕНЦЫ САМАРСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ – ВЫПУСКНИКИ И СТУДЕНТЫ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1877–1917 гг.)****

*Не безродна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных – то и знай!*
Н.А. Некрасов

Состоявшийся в 2005 г. 250-летний юбилей Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова активизировал разработку целого ряда новых историко-культурных проблем¹, одной из которых является изучение источников формирования национального интеллектуального потенциала (в этом аспекте контингент обучающихся в Московском университете является вполне репрезентативной выборкой). В настоящее время наиболее перспективным является региональный аспект проблемы, который позволяет выявить, так сказать, интеллектуальную составляющую географического фактора, установить общее и особенное вклада отдельных земель в «умственную силу нации» (термин акад. И.П. Павлова). Естественно, реализация такого подхода возможна только на масштабном пространственно-временном материале. Такие источники были разработаны и оформлены авторами данной статьи в две базы данных, что открыло путь к привлечению современных информационных технологий, количественных методов и модельного подхода. Это БД «Выпускники Московского университета 1877–1916 гг.» на 27849 персоналий с отдельными полями по фамилиям, именам, годам окончания, факультетам, типам предварительного среднего образования и местам (город

* к.и.н., с.н.с. межкафедральной Археологической лаборатории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

** ведущий специалист Главархива города Москвы.

*** ученый секретарь Новоиерусалимского историко-архитектурного музея-заповедника.

**** Проект выполнен при финансовой поддержке РГНФ, грант № 07-01-00208а.

и губерния) его получения, а также сведения о стипендиях, гимназических медалях, дворянских титулах и др.² Кроме того, в последнее время в Архиве МГУ был обнаружен уникальный массовый источник, который позволяет рассмотреть данный вопрос на материале переломного периода 1917–1918 гг.³ Канцелярией по студенческим делам Московского университета был составлен «Алфавитный список студентов, принятых в 1917/18 академическом году», содержащий, помимо ФИО первокурсников, даты их рождения, сведения о сословной принадлежности, вероисповедании и оконченном среднем учебном заведении. По этим сведениям нами была построена база данных, которая представляет собой электронную таблицу в формате MS-Excel, включающую 12 полей и передающую всю информацию источника⁴.

За исследуемое 40-летие Самарская и Симбирская губернии имели своих уроженцев среди выпускников университета каждый год, за исключением 1905 г., когда университет был закрыт (см. табл. 1). Визуализация данных (см. рис.) позволяет выделить две фазы в динамике количества выпускников. Это первое 30-летие и последние 10 лет. На первом этапе (1877–1906) наблюдается весьма противоречивая, в целом нейтральная динамика числа выпускников с локальным экстремумом по Самарской губ. в 1891 г., составившим 10 чел., и по Симбирской губ. 9 чел. в 1897 г. Имевшиеся в этой фазе спады объясняются последствиями царевубийства 1.03.1881 г., консервативного университетского устава 1884 г. и другими ограничительными мерами правительства. Любопытно, что в эти годы (1881, 1882, 1884, 1886, 1888, 1891, 1897 и 1902) с возрастанием количества выпускников из Самарской губ. сокращалось число выпускников симбирских. Единственное синхронное уменьшение выпало на 1894 г., который и делит первый цикл на две части.

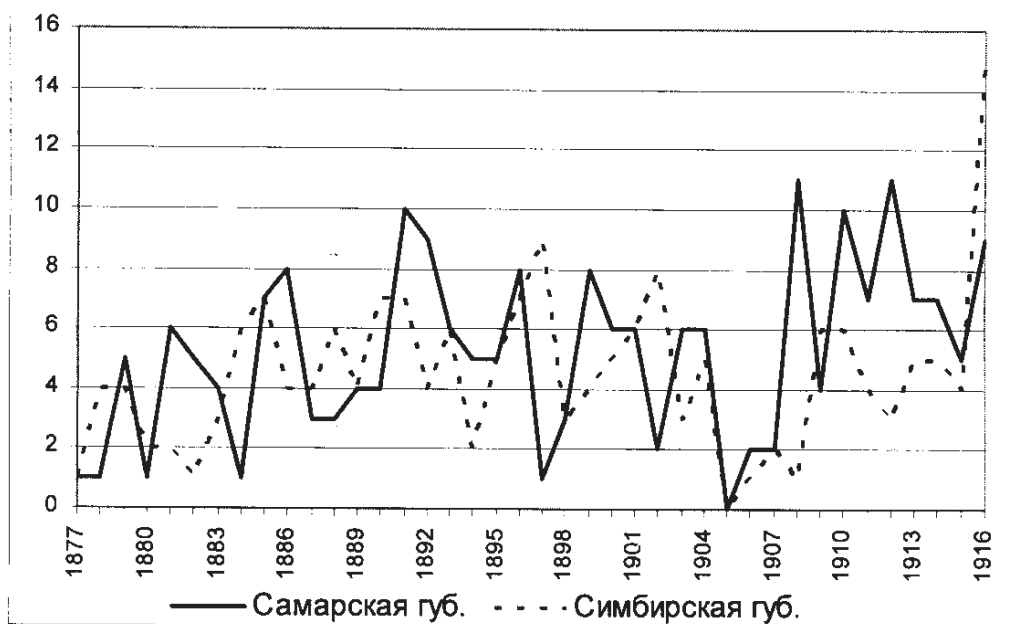

Рисунок. Количество выпускников Московского университета, получивших среднее образование в Самарской и Симбирской губ. 1877–1916 гг.

Таблица 1. Динамика количества выпускников Московского университета из Самарской и Симбирской губерний. 1877–1916 гг.

Год	Самарская губ.					Симбирская губ.				
	мед.	физ.-м.	юрид.	ист. ф.	всего	мед.	физ.-м.	юрид.	ист. ф.	всего
1877			1		1		1			1
1878	1				1	2	1	1		4
1879	1		4		5	4				4
1880			1		1	1		1		2
1881	3	1	1	1	6	2				2
1882	3		1	1	5	1				1
1883	2		2		4	1	1	1		3
1884	1				1	1	1	3	1	6
1885	6		1		7	3	1	3		7
1886	4		3	1	8			2	2	4
1887	2		1		3		1	2	1	4
1888			2	1	3	1	2	2	1	6
1889	2		2		4			4		4
1890		1	3		4		3	4		7
1891	2	2	5	1	10	1	3	3		7
1892		2	7		9	1		3		4
1893	2		4		6	1	1	3	1	6
1894	1		4		5			2		2
1895	1	2	1	1	5	1		4		5
1896	4	2	2		8			7		7
1897				1	1	4		5		9
1898			3		3		1	2		3
1899	2		6		8			2	2	4
1900	3	3			6	1	2	1	1	5
1901	2		4		6	1	2	3		6
1902	1		1		2		3	5		8
1903	2		4		6		1	2		3
1904	3		2	1	6		1	4		5
1906	1			1	2	1				1
1907	1		1		2	2				2
1908	4		6	1	11	1				1
1909		1	3		4	4	1	1		6
1910	1	4	5		10		2	4		6
1911	2	1	4		7		3	1		4
1912	3	2	6		11			3		3
1913	2	2	3		7			5		5
1914	2	1	3	1	7	2		2	1	5
1915			5		5		1	3		4
1916			8	1	9	4	4	7		15
Итого:	64	24	109	12	209	40	36	95	10	181

Столь яркий обратный характер взаимосвязей, как нам думается, не может быть случайным, но свидетельствует о довольно жестких административных механизмах, регулировавших набор в вузы (рискнём предположить, что этот факт также отражает какие-то существенные различия в истории двух гимназий и в карьерных установках их воспитанников, что в определённой мере было обусловлено директором Симбирской гимназии Ф. Керенским). Во второй фазе (1895–1906) всё же превалирует синхронность роста количества выпускников над «попятным движением» в 1897 и 1902 гг.

Второй цикл (1907–1916) демонстрирует, в общем, гораздо большую параллельность динамики по двум губерниям, за исключением 1908 и 1912 гг. В это время изучаемые регионы дают рекордные показатели, что подтверждает огромное влияние Первой русской революции на демократизацию высшей школы – самарцы по 11 чел. в 1908 и 1912 гг., а симбирцы – в 15 выпускников в 1916 г. (однако на фоне весьма вялой динамики за предшествующие годы этого цикла). Общий же спад среди волжан по числу подготовленных специалистов в 1915 г. объясняется мобилизацией медиков старших курсов и добровольным уходом студентов в действующую армию.

Несмотря на стабильность связи волжан с Московским университетом, по всем факультетам имеются заметные лакуны (см. Табл. 1). Наиболее устойчивы ряды юристов (по 33 года из 40 для обеих губерний) и медиков (30 лет для Самары и 25 для Симбирска). Симбирцы чаще самарцев оканчивали физико-математический факультет (соответственно 21 и 13 лет), но по историко-филологическому факультету – наоборот (8 и 12). Максимальный выпуск по юрфаку в 8 чел. самарцы дали в 1916 г., а симбирцы – по 7 чел. в 1896 и 1916 гг. Больше всего медиков (6 чел.) самарцы дали в 1885 г., а симбирцы – по 4 человека в 1897, 1909 и 1916 гг. По физмату обе губернии не превышали уровня 4 дипломников (Самара – 1910 г., Симбирск – 1916 г.). С истфила по обеим губерниям выпускалось лишь по одному человеку, за исключением 1886 и 1899 гг., когда симбирцы получили по 2 диплома.

В общем и целом научные приоритеты талантливой молодёжи за всё сорокалетие склонялись в сторону юриспруденции, поскольку абсолютное большинство как самарцев, так и симбирцев отдали предпочтение профильному факультету, причём впечатляет практическое совпадение долевого их выражения – 109 чел. из 208, или 52,5%, у самарцев и 95 чел. из 181, или 52,5%, у симбирцев, при этом на общем фоне всего университетского выпуска (41,8% юристов) обе губернии отличаются повышенным интересом к такого рода занятиям. И лишь немногих привлекали история и филология: 12 дипломов (5,7%) по Самарской губ. и 10 (5,5%) – по Симбирской губ. По другим же профессиям обнаруживаются существенные расхождения. Так, самарцы проявили гораздо больший интерес к медицине: 30,6% выпускников (64 чел.) против 22,1% у симбирцев (40 чел.). Зато интерес последних к физико-математическому факультету оказался заметно выше: 19,9% (36 чел.) против 11,5% (24 чел.). Симбирская губ. демонстрирует пониженный интерес к медицине (31,9% по всему университету), Самарская же характеризуется пренебрежением к естественно-научным дисциплинам (11,5% против 18,1%). Кроме того, интерес волжан к гуманитарным наукам был заметно ниже обще-

го уровня (5,7% и 5,5% выпускников на историко-филологическом факультете против 8,2%)⁵.

Практически все волжане получили предварительное среднее образование в гимназиях губернских центров. Из 181 симбирца 173 (95,6%) оказались воспитанниками Симбирской гимназии (кроме того, по 2 выпускника было из духовной семинарии и кадетского корпуса). Уездные города и другие типы средней школы были представлены лишь Сызранью, четыре питомца реального училища которой поступили в университет. Вполне схожа картина и по Самарской губ.: 196 чел. из 208 (94,2%) имели аттестаты Самарской гимназии, и к ним добавилось 2 воспитанника Самарского реального училища. Первыми волжанами, получившими университетские дипломы, стали в 1877 г. бывшие гимназисты симбирец Мих. Алякринский, который в звании действительного студента окончил математическое отделение физико-математического факультета, и самарец Федор Фон-Вендрих, вышедший с юрфака в звании кандидата. Однако с полной уверенностью можно сказать, что уроженцы многих уездных городов, представленные среди университетских выпускников, получали среднее образование в самих Симбирске или Самаре или даже в столичных школах.

Две губернии сильно отличаются по числу своих семинаристов, окончивших университет — 10 самарцев и 2 симбирца. Воспитанники духовных семинарий, как правило, поступали в университеты после четырех лет обучения и в основном в конце 1870 — начале 1880 гг. и после революции 1905—07 гг. Во временном промежутке между этими рубежами Синод запрещал семинаристам поступать в светские вузы. Итак, двое симбирцев, вышедших из стен духовной семинарии, — это Петр Тюбукин (1879, медицинский ф-т) и Василий Алеев (1909, физмат). Среди самарских семинаристов первыми получили университетские дипломы медики Феоктист Ключарёв (1878), Иван Равенский (1879) и юрист Сергей Орлов (1879). Из остальных семи пятеро также стали медиками, два — юристами, и один окончил историко-филологический ф-т. Таким образом, подтверждается типичный для данной категории выбор медицинского факультета.

О высоком уровне академической подготовки волжан говорит наличие среди них золотых и серебряных медалистов. Причем и в абсолютном исчислении, и по удельному весу получивших высшие гимназические награды оказалось больше среди симбирцев: 18 и 14 человек, или 9,9% и 6,7% (однако самарцы были впереди по числу золотых медалей: 8 против 7). О большом престиже Московского университета среди симбирцев свидетельствует тот факт, что из 32 человек, включённых в официальный «Список гимназистам, удостоенным аттестата зрелости, от которых учебное их начальство ожидало дальнейших успехов в науках (1873—1884)», 10 воспитанников избрали именно старейший российский университет (5 пошли на медицинский, 3 на физико-математический и 2 на историко-филологический факультет). Кроме того, по 6 человек поступили в Санкт-Петербургский и Казанский университеты, а один — в Киевский⁶.

По некоторым персонажам этого «Списка» есть интересные сведения об их связи с родной гимназией. Так, уже будучи студентом истфила, В.М. Изер-

гин руководил гимназическим хором и пел сам на благотворительных концертах в пользу недостаточных учащихся. Студент физмата Валентин Умов после получения аттестата «пожаловал» для библиотеки 8 учебных книг⁷. А будущий юрист Н. Коханов передал целый фонд из 39 книг. Граф П. Толстой пожертвовал икону Николая Чудотворца в серебряной ризе, а Алексей Полубояринов в 1877 г. участвовал в составлении нового каталога и приведении в порядок книг Карамзинской библиотеки⁸. С другой стороны, будущие университетские выпускники получали материальную помощь от гимназии и связанных с ней общественных благотворительных организаций. В. Умов в бытность гимназистом в 1878/79 учебном году заслужил право на «мундирную пару» стоимостью 10 руб. 57 коп., а Сергей Жихарев получил «кепи и полусапожки»⁹.

До 1883 г. в публикациях списков выпускников по медицинскому факультету помещались сведения о том, были они «своекоштными», т.е. обучавшимися за собственный счет, или «стипендиатами» разных правительственных или общественных организаций (в том числе и земств). Среди самарцев было 8 своекоштных и 2 стипендиатов, а у симбирцев — по 4 человека.

Распределение выпускников по естественному и математическому отделениям физико-математического факультета демонстрирует несколько повышенный интерес самарцев к математическому отделению над естественным (11 против 7) и практическое равенство для симбирцев (соответственно 11 и 12 человек). С 1909 г. стали указываться специальности выпускников. По этим данным самарцы демонстрируют несколько повышенный интерес к химическим наукам: по два выпускника по кафедрам агрохимии и физической химии и один по кафедре технической химии. Кроме того, по одному студенту специализировалось по зоологии, физиологии и физике. Среди же симбирцев оказалось трое зоологов, по одному выпускнику обучалось на кафедрах агрохимии, астрономии, механики, технической химии, физиологии и физической географии.

Среди волжан, получивших образование в Московском университете, безусловно, были и одноклассники по Симбирской гимназии поступившего в 1883 г. в Санкт-Петербургский университет А.И. Ульянова (выпускники 1887/88 гг. — 10 человек), В.И. Ульянова (1891/92 гг. — 11 чел.) и ровесники А.Ф. Керенского, ставшего студентом-юристом Петербургского университета в 1900 г. (1904 г. — 5 чел.), а также воспитанника Самарской гимназии Дм.И. Ульянова — студента-медика Московского университета с 1893 г. (1897/98 гг. — 12 чел.). Личные дела этих выпускников, как и всех других, перечисленных в «Приложении», хранятся в фонде 418 (Московский университет) Центрального Исторического архива Москвы и могут содержать факты, интересные не только для краеведения и истории губернских гимназий, но и для российской истории в целом.

Интересной особенностью публиковавшихся списков выпускников Московского университета была информация о предшествующем обучении в других российских университетах. Таких переходов набралось около десятка, причем единственным исключением (из Дерптского университета перешел симбирец выпускник 1878 г. медицинского факультета Иван Сахаров) все они касались Казанского университета и относились к выпускникам 1911–1916 гг.

Это самарцы юристы П.А. Казаков, Е.П. Лукашевич, С.Е. Рябинкин и медик А. Янов (1886) и симбирцы юристы Д.М. Курбатов и Д.В. Скороходов, а также медик А.А. Вологин. Поскольку большинство таких переводов произошло в 1910-е гг., то, возможно, в предшествующие годы Казанский университет имел какие-то проблемы с академической подготовкой студентов на своем юридическом факультете.

Выявлено четыре любопытных случая повторного обучения выпускников физико-математического ф-та на медицинском (трижды среди симбирцев и один у самарцев). Подобные операции имели место среди уроженцев всех губерний. Как правило, они осуществлялись выпускниками естественного отделения (особенного специализировавшихся по кафедре физиологии) с целью достижения сулившей безбедную жизнь частной врачебной практики, но нельзя исключать и того, что подобная комбинация была попыткой уклонения от воинской обязанности. Первым такой ход осуществил Сергей Позднев из Симбирска (1888–1891), примеру которого последовали Николай Кенарский (1902–1907) и Борис Брызгалов (1910–1914). А Кронид Крюгер из Самары окончил два этих факультета в 1896 и 1902 гг. Особенностью получения волжанами второго университетского образования была затянутость их обучения на медицинском факультете – в среднем, 4 года, тогда как представителям других губерний на это хватало 2–3 лет. Возможно, это было проявлением запрета зачисления на старшие курсы медфака, время обучения на котором составляло 5 лет.

Из титулованных особ среди симбирцев оказались юрист князь Александр Ухтомский (1890) и графы братья Толстые – Владимир и Петр (оба – физико-математический ф-т, 1891 г.; однако родовое гнездо Толстых находилось в Самарской губернии).

По числу первокурсников 1917 г. самарцы экстраполировали динамический ряд за дореволюционные годы (14 человек), а набор с родины премьер-министра Временного правительства потерпел провал – его земляков было всего трое (см. табл. 2). Расширился состав учебных заведений, подготовивших новый революционный набор. Так, по Самарской губернии питомцев 2-й городской гимназии оказалось вдвое больше, чем 1-й (6 против 3), студентами стали выученики Самарских коммерческого и реального училищ (2 и 1) и, кроме того, по одному из Сызранской гимназии и Бугурусланского реального училища. Среди же симбирцев были представлены 2-я городская гимназия, духовная семинария и частная гимназия Кашкадамовой. В отличие от предшествующего периода, когда доминировал интерес к юриспруденции, в ситуации военно-революционного времени возрастает тяга к медицинскому и физико-математическому факультетам (по пять человек), за которыми шли историко-филологический и юридический факультеты (соответственно 4 и 3 первокурсника).

Уникальные сведения о сословном составе нового набора убедительно свидетельствуют о демократизации высшей школы. Так, из 17 волжан шестеро вышли из семей мещан, трое – из крестьян, двое – священников и по одному студенту из семей врача, чиновника и потомственного дворянина. Февральская революция впервые в полной мере открыла двери университе-

тов для женщин. Первыми волжанками в Московском университете стали четыре девушки – «дочь крестьянина», золотая медалистка из Самары Епанешникова Евдокия Феодоровна, воспитанница частной гимназии Кашкадамовой «дочь мещанина» Зиновия Александровна Михайлова, сызранская гимназистка «мещанка» Александра Осиповна Авдеева и Анна Михайловна Орлова (свою сословную принадлежность она не указала). Из Самарского коммерческого училища приехали в Москву «крестьянин» Серг. Гр. Тимохин и «сын крестьянина» Франц Францевич Классен (на юрфак). Интересны данные и о вероисповедании волжан – помимо православных оказалось по одному иудею и менониту. По точным датам рождения студентов выявляется самый возрастной (А.М. Орлова – 2.02.1892) и молодой первокурсник (юрист Г.В. Соколов – 9.10.1890) при среднем возрасте всех волжан в 19,7 года.

Таблица 2. Первокурсники Московского университета 1917 г. из Самарской и Симбирской губерний

Авдеева Александра Осиповна	дочь мещ.	М	21.04.1897	Прав.	Сызранск. гимн Е.Ф. Игнатъевой	зл/м
Бабордин Иван Степанович	сын мещ.	М	25.05.1896	Прав.	Самарск. 2 гимн.	
Виноградов Александр Михайлович	сын свящ.	Ф-е	06.09.1898	Прав.	Самарск. 2 гимн.	уволен по прош. 12.12.1917
Гладилин Сергей Алексеевич	сын чин.	Ф-м	15.06.1898	Прав.	Самарск. 2 гимн.	
Докукин Иван Александр	сын свящ.	М	24.05.1897	Прав.	Самарск. 1 гимн.	
Епанешникова Евдокия Феодоровна	дочь крест	М	20.02.1898	Прав.	Самарск. 1 гимн.	зл/м; уволена по прош. 03.01.1918; принята обр. 08.03.1918 без права записи на лекции
Зверев Георгий Петрович	сын пот дв.	Ф-м	04.04.1899	Прав.	Симбирск. 2 гимн.	
Капитонов Владимир Алексеевич	мещ.	М	17.11.1898	Прав.	Самарск. 2 гимн.	
Классен Франц Францевич	сын крест.	Ю	31.03.1896	мен-нон.	Самарск. коммерч. уч.	перешёл на матем. отд. 21.10.1917
Корман Вячеслав Васильевич	сын мещ.	Иф	21.03.1896	Прав.	Самарск. 2 гимн	
Мельников Валентин Михайлович	сын мещ.	иф	27.11.1898	Прав.	Самарск. реальн уч.	
Михайлова Зиновия Александр	дочь мещ.	Ю	24.09.1898	Прав.	гимн Кашкадамовой в Симбирске	св-во
Мокеев Степан Петрович	сын врача	Ф-е	23.12.1896	Прав.	Симбирская духовная семин.	
Орлова Анна Михайловна		Иф	02.02.1892	Прав.	Самарск. 1 гимн.	зл/м
Соколов Георгий Владимир		Ю	09.10.1900	Прав.	Бугурусл. реальн уч.	св-во
Тимохин Сергей Григорьевич	крест.	Ф-е	12.03.1898	Прав.	Самарск. коммерч. уч.	
Шпигель Иегуза Иосифович		Иф	23.11.1898	Иуд.	Самарск. 2 гимн	

Сравнительное рассмотрение системы фамилий у волжан, с одной стороны, демонстрирует их структурное сходство, а, с другой, – внешнее своеобразие. Так, на 172 самарские и 156 симбирских фамилий приходится соответственно по 1,22 и 1,16 университетских выпускников, а доли повторяющихся фамилий от всего их числа (32 по Самарской губ. и 31 по Симбирской губ.)

составляют 19% и 20%. Количество однофамильцев по всему контингенту выпускников среди самарцев было 71, и симбирцев – 64 (34% и 35% соответственно). Сходство приведённых относительных параметров по обоим губерниям говорит о репрезентативности исследуемой информации («заработал» закон больших чисел).

Однако фамилий, общих для двух регионов, оказалось всего лишь 12, что в первом приближении можно трактовать как генетическую изолированность образованного населения этих губерний. Эти 12 фамилий составили всего лишь 3,8% от всего их набора по двум губерниям. Естественно, в это число входили самые распространённые фамилии, и их носителей было по 19 человек в каждой губернии, что составило 9,7% (всего было 6 Соколовых, по 4 Орловых, Петровых и Соловьёвых, по 3 Ивановых, Лавровых, Михайловых и Сахаровых; Варламов, Логинов, Малиновский и Яковлев встретились по разу в каждом регионе). Показательно, что 71 из 156 симбирских фамилий (46%) встречаются среди лиц, упомянутых в разнообразных источниках по истории Симбирской гимназии за первое столетие её существования (до 1887 г.)¹⁰, свидетельствуя о стабильности воспроизводства национальной умственной элиты в образованных семьях этой губернии.

На 32 фамилии самарцев, носители которых имели однофамильцев за 1877–1916 гг., пришлось 69 выпускников, или 33% от всего их контингента за это время. Следующие пять фамилий принадлежали трём выпускникам каждая: Крестовский, Орлов, Соколов, Тихомиров и Шмелёв. Ещё 27 фамилий встречались дважды. Абсолютное же большинство фамилий – 140 – остались уникальными, и на них пришлось 2/3 выпускников (67%).

Среди же симбирцев на 29 повторяющихся фамилий за исследуемый период пришлось 64 человека, или 35,4%. Больше всего оказалось Кенарских (4 чел.), а также Вологиных, Глассон, Соколовых и Соловьёвых (по 3 чел.). Ещё 24 фамилии встречались дважды, но 127 фамилий остались «в единственном числе» (70%).

По обоим регионам подтверждается выявленная на аналогичном материале других губерний высокая активность среди образованного населения «птичьих фамилий»: по 17 человек среди самарцев (8,1%) и симбирцев (9,4%) с такими фамилиями, как Кенарский, Комаров, Крылов, Ласточкин, Лебедев, Лебедевич, Муханов, Орлов, Пчёлкин, Соколов, Соколовский, Соловьёв, Шмелёв, Щеглов, Ястребов. Этому типу генетических маркёров явно уступали «звериные» фамилии – Львов, Волков, Козлов и Лисицын. Нашлось подтверждение и всеобщей распространённости фамилий, возникших в церковно-семинарской среде. Особенно много их оказалось среди самарцев – 20, и только 5 среди симбирцев. Это Архангельский, Благодаров, Богомыслов, Богомоллов, Виноградов, Владимирский, Добронравов, Крестовский, Малиновский, Никольский, Покровский, Тихомиров, Троицкий, Фармаковский, Фастрицкий и др.

Сравнение фамилий, отчества, времени обучения и мест получения предварительного образования с достаточной степенью вероятности позволяет начать исследовать формирование университетских династий, как по линии братских групп (горизонтальное родство), так и по вертикали (отцы и дети).

Интересно, что по обоим губерниям устанавливается по 23 братских группы (за единственным исключением всегда по два человека), причем удельный вес составивших эти группы лиц оказался весьма высоким, что говорит о заметном семейном интересе волжан к Московскому университету. Так, у самарцев эта доля составила 22,5%, а у симбирцев – 25,4%. Например, в 1891 и 1893 гг. выпускниками математического и естественного отделений физико-математического факультета становятся симбирцы Владимир и Петр Толстые, а в 1904 г. с юрфака вместе вышли Борис и Владимир Пантусовы, Три самарских гимназиста брата Крестовские последовательно получали университетские дипломы: Иван Александрович по кафедре математики, а Борис по кафедре агрохимии физико-математического факультета (в 1909 и 1910 гг.), и в 1915 г. юристом стал младший брат Александр. Совместное обучение в одном вузе родных братьев позволяло более экономно относиться к семейному бюджету и способствовало академическим занятиям. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что самарцы в 11, а симбирцы в 16 случаях из 23 в среднем в продолжение трех лет вместе проживали в Москве. В основном братья обучались на разных факультетах, но все же в 9 случаях из 23 (39,1%) для каждой губернии отмечено совместное обучение на одном факультете (для самарцев 7 раз на юрфаке и по одному на медицинском и физико-математическом, а у симбирцев – 6 раз на юрфаке, два на медицинском и один на физмате). Младшим братом самарца Анат.Мих. Смирнова, ставшего в 1913 г. врачом, был первокурсник 1917 г. «сын священника» уроженец Симбирской губернии, но окончивший Самарскую гимназию Мих.Мих. Смирнов.

По распространённости вертикального родства выпускников (отцы-сыновья) наблюдается большое различие между регионами: один случай у симбирцев и пять у самарцев. Так, среди симбирцев через 24 года после Ивана Мотовилова, ставшего в 1878 г. врачом, его сын Андрей выпускается из юридического факультета. Среди же самарцев это были юристы Евдоким и Борис Юрины (1879/1915), Тимофей и Сергей Гавриловы (1881/1911), Дмитрий и Борис Щегловы (1882/1907), юристы Александр и Дмитрий Тимроты (1883/1914), а также Василий и Сергей Тихомировы (1886/1914). Временной промежуток между получением университетских дипломов отцами и сыновьями в среднем составил 28 лет. Среди отцов оказалось по три медика и юриста, а среди сыновей – один медик и пять юристов. Показательно, что формирование университетских династий начиналось чаще всего с юридического факультета, где обучались представители наиболее обеспеченных слоев общества.

Анализ структуры личных имен и отчеств студентов позволяет выявить любопытные черты ментальности их отцов и дедов. Отметим несколько большее разнообразие имен самарцев над симбирскими (45 против 36), так что на одно имя соответственно приходится 4,6 и 5,0 чел., причем значительная часть имен имела лишь по одному носителю (соответственно 21 и 13). Убедительным свидетельством царистской ментальности волжан является преобладание в их среде личных имен членов императорской фамилии. Так, среди самарцев на 6 имен из 45 пришлось более половины выпускников (115 человек из 208, или 55,2%). Это 34 Александра, 24 Николая, 19 Михайлов, 16 Владимиров и по 11 Константинов и Сергеев. Аналогично среди симбирцев на

6 имен из 36 также выпало большинство студентов (91 человек из 181, или 50,3%). Это 22 Николая, 19 Александров, по 13 Владимиров, Иванов и Михайлов, а также 11 Василиев. В отличие от самарцев, у симбирцев лидером стало имя Николай. Имена, представляющие большинство выпускников, видимо, следует считать проявлением определенных статистических закономерностей. В этом плане сходство структурообразующего именного ядра смежных губерний, с одной стороны, подтверждает модельный характер данного набора, но с другой – выявляются и любопытные региональные особенности. Так, присутствие в симбирской структуре нецарских (народных, общеантропонимических) имен Иван и Василий можно интерпретировать как менее верноподданнический по сравнению с самарцами характер имянословия у отцов симбирских выпускников. На этом фоне отцы самарцев выглядят более патриархально. Об этом же говорит и существенное преобладание у самарцев Александров над Николаями, но особенно большое число Константинов (11 человек), тогда как у симбирцев их было только двое. В общем же на имена Александр и Николай пришлось у самарцев 58 человек (28%) и 41 у симбирцев (23%). Показательно, что в списке приоритетных отсутствует имя царевича Алексея, который родился позже всех наших студентов.

Проведенные наблюдения над структурами имен подтверждаются рассмотрением отчеств выпускников, т.е. имен, которые их деды дали их отцам (отчеты стали указывать отчества с 1908 г.: 59 раз по Самаре и 47 по Симбирску). Среди самарцев пять имен давали более половины отчеств (30 из 59): 10 Александров, 7 Иванов, 5 Василиев и по 4 Алексея и Петра, тогда как трое Николаевичей оказались лишь на шестом месте. У симбирцев картина приблизительно такая же: 6 Иванов, по 5 Александров и Михайлов, 4 Алексея, по 3 Василия и Николая. Таким образом, в продолжение жизни двух поколений произошло существенное изменение ментальности в сторону возрастания имперской самоидентичности.

Анализ ФИО в определенной степени заменяет информацию о национальной принадлежности и вероисповедании студентов. Таким образом легко определяются поволжские немцы, которые после русских были на втором месте среди выпускников (около 5% по Симбирской и около 10% по Самарской губернии). Это: В. Вольтман, В. Клейгель, М. Гернет, К. Кнерцер, А. Лангауз, И. Рунне, Г. Штехер, Г. Шварц – по Симбирску и В. Бруммер, А. Вейсман, Л. Глузенап, С. Гюнтер, Кронид Крюгер, Александр-Фердинанд Ленц, В. Доор, Карл-Вильгельм Мейер, Фридрих-Артур Рейс, А. Фон-Бринкман и др. (кроме указанных, поволжские немцы, как правило, имели простые русские имена). Поляками-католиками были В. Гордзяковский, Адам-Карл Козубовский и Эдмунд-Леопольд Рахлинский. По сравнению с другими регионами имело место пониженное представительство еврейской молодежи (Лейба Историк, Герш Селих и Завель Шефтель).

За всю дореволюционную историю Московского университета нами выявлено шесть волжан, ставших профессорами своей Alma Mater. Это его воспитанники медик Евгений Алексеевич Нефедьев (годы жизни неизвестны), астроном Алексей Ник. Сабанин (в 1902 г. ему было 55 лет) и юрист Арк. Елистратов (37 лет в 1910 г.). Мировую научную известность заслужили два уро-

женца Симбирской губернии: основатель отечественной школы физиологии Иван Мих. Сеченов (1829–1905), выпущенный в 1855 г. из медицинского факультета, он был профессором университета и зав. кафедрой физиологии с 1891 по 1901 гг. Фундаментальный вклад в мировую науку внес Ник. Алексеевич Умов (1846–1915), среднее образование он получил в 1-й Московской гимназии, стал выпускником университета в 1867 г. и был его профессором с 1893 по 1911 г., когда, не приняв политику правительства по отношению к высшей школе, ушел в отставку, но до конца жизни (с 1897 г.) оставался президентом Московского общества испытателей природы. Единственным же самарцем, ставшим университетским преподавателем, оказался профессор богословия протоиерей Ник. Боголюбский, который одновременно был и настоятелем университетской Татьянинской церкви.

Примечания

¹ См.: Университет для России / Под ред. В.В.Пономаревой и Л.Б.Хорошиловой. Т. 1. М., 1997; Т. 2. 2001; Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в. Социально-историческая судьба. М., 1999; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и устав 1804 года. М., 2002; Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX века. М., 2002; Университетские профессора и подготовка устава 1835 года. М., 2003; Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессора. Ч. 2. Студенчество. М., 2003; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. М., 2006.

² Данная база данных построена по материалам ежегодных университетских отчетов. См.: Отчет и речь, произнесенные в Торжественном собрании Императорского Московского университета. 12 января ... года. М., 1877...1906; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета. М., 1907...1917. Подробное описание БД см.: Пушков Л.В., Пушков В.П., Завьялов С.М., Гришина З.В. Выпускники Московского университета и формирование интеллектуального потенциала дореволюционной России (первые итоги создания базы данных) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». №31. М., 2003. С. 184–192.

³ См.: Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14л. Д. 13312. Машинопись с рукописной правкой.

⁴ Описание состава выпускников из отдельных губерний и городов см.: Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Выпускники Московского университета – уроженцы Владимирской губернии (1877–1916) // Вестник архивиста. 2004. №3–4. С. 197–211; Они же. Елецкий интеллектуальный феномен (Воспитанники Елецкой гимназии – выпускники Московского университета. 1881–1916 гг.) // Философия хозяйства. 2004. №4. С. 9–20; Гришина З.В., Завьялов С.М., Пушков В.П., Пушков Л.В. Уроженцы Рязанщины – выпускники и профессора Московского университета. 1877–1916 // Рязанская область и Центральный регион в контексте российской истории. К 225-летию образования Рязанской губернии. Рязань, 2004. С. 92–96; С.Т. Минаков, Л.В. Пушков, В.П. Пушков, С.М. Завьялов. Уроженцы Орловской губернии – воспитанники и профессора Московского университета // Вестник архивиста. 2004. №1. С. 221–231; Пушков В.П., Пушков Л.В. Выпускники Московского университета из Вологодской губернии (1878–1917 гг.) // Историческое краеведение и архивы. Вып. 14. Вологда, 2007. С. 71–83; Они же. Уроженцы Тульской губернии – выпускники Московского университета (1877–1916 гг.) // Белёвские чтения. Вып. 4. М., 2004. С. 133–140.

⁵ См.: Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Профессионально-географический состав выпускников Московского университета. 1877–1916 гг. // История Московского университета. 1755–2004 гг. Материалы 5 научных чтений памяти профессора А.В. Муравьева. М.: МГУ, 2004. С. 224–225.

⁶ См.: Безгин И.Г. Симбирская губернская гимназия. 1786–1887. Библиографическая монография. СПб., 1888. С. 308, 310.

⁷ Там же. С. 333.

⁸ Там же. С. 311, 318, 329.

⁹ Там же. С. 337.

¹⁰ Там же.